

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

Попытки установления внешнего управления Русской православной церковью (1920-е гг.)

И.И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится анализ мер официальных органов по установлению контроля за деятельностью Русской православной церкви (РПЦ) неофициальными способами. Определено, что законодательство Советской республики в области отделения церкви от государства не соблюдалось. Установлено, что силовыми структурами, мерами устрашения, шантажа и подкупа удалось привлечь на свою сторону ряд иерархов и часть клира РПЦ. Сотрудничавшие с компетентными органами священники вынуждены были выполнять навязываемые им решения секретных комиссий. Действия митрополита Сергия (Стародорожского) определены как способствующие сохранению Церкви в качестве канонического института православия.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Коммунистическая партия, обновленческий раскол, историческая память.

The article analyzes the measures of the official bodies to establish control over the activities of the Russian Orthodox Church (ROC) by unofficial means. It is determined that the legislation of the Soviet Republic in the field of separation of the church from the state was not observed. It is established that the power structures managed to attract a number of hierarchs and part of the ROC clergy to their side by means of intimidation, blackmail, and bribery. The priests who collaborated with the competent authorities were forced to carry out the decisions of the secret commissions imposed on them. The actions of Metropolitan Sergius (Starodorozhsky) are identified as contributing to the preservation of the Church as a canonical institution of Orthodoxy.

Keywords: Russian Orthodox Church, Communist Party, Renovationist schism, historical memory.

Партией большевиков уже в 1917–1918 гг. было заявлено, что для формирования нового более справедливого и прогрессивного общественного строя необходимо обеспечить полное отделение церкви от государства. Опыта проведения связанных с обозначенной задачей мероприятий не имелось ни внутри страны, ни за рубежом. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в целом носил достаточно прогрессивный и демократический характер. Пункт два закона гарантировал всем религиозным организациям и группам равные права и возможности: «В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» [1, с. 615–617]. Все дальнейшее законодательство, начиная с Инструкции «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», детализировало заявленный лозунг о недопустимости вмешательства государства и религиозных организаций в дела сторон. Получило юридическое закрепление распределение функций между органами государственного управления по обеспечению исполнения законодательства в сфере обеспечения конституционных прав граждан на свободу совести и контроля за соблюдением религиозными структурами существующих нормативно правовых актов [1, с. 13–17].

С законодательной точки зрения препятствий для функционирования религиозных организаций и исповедания гражданами той или иной религии не было, однако внутривластный аспект требовал от правящей группы иных подходов. Допустить существование пробольшевистских и каких-то иных значимых неподконтрольных властям общественных институтов в Советском государстве не представлялось возможным. Декларируемый тезис об отделении церкви от государства в программных документах РСДРП и заявлениях ее лидеров на практике был направлен на ликвидацию религии и церковных структур [2, с. 62–64]. Существование религиозных организаций на переходном этапе к коммунизму допускалось как вынужденная мера. В то же время данный «пережиток» не должен был мешать формированию нового материалисти-

ческого мировоззрения у подавляющего большинства граждан. Функционирование церковных структур было возможно только при полном их подчинении интересам уполномоченных на то органов и, безусловно, это касалось не только и не столько действующего законодательства. С политической точки зрения это были два противоборствующие лагеря. Выстраивание партнерских взаимовыгодных отношений было возможно только на условиях властей.

Материалистическое мировоззрение в Российской империи не разделяло абсолютное большинство граждан. Формирование нового конфессионального поля в богословском государстве стало стратегической задачей ответственных за церковный вопрос товарищей. Необходимо было создание ситуации, при которой ни одна из религиозных организаций не могла организовать протестное движение, критичное для власти. В европейской части Российской империи это касалось РПЦ. Параллельно с ликвидацией экономического потенциала Церкви, разрушения ее организационно-управленческой структуры, физического уничтожения клира и активных прихожан антирелигиозниками принимаются меры по созданию конкуренции православию в виде различного рода религиозных направлений. Законодательно и декларативно это обозначалось как обеспечение подлинной свободы совести и восстановления прав угнетенных царским режимом культов. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и агрессивная атака на РПЦ после октябрьского переворота в Петрограде существенно ограничивали пропагандистские возможности большевиков [3]. Православная церковь стала с законодательной точки зрения равной всем иным культам. Обрушившиеся на нее гонения только укрепляли ее авторитет в глазах граждан. Для отхода православных верующих или причисляющих себя к РПЦ прихожан необходимы были не только моральные, но и материальные стимулы. Первым из них, безусловно, была безопасность человека, его жизнь и возможность социализироваться в советское общество. Подобная возможность предоставлялась, например, верующим протестантам. Официально или неофициально власти начали поддержку многих инославных культов, однако без взятия управления РПЦ в свои руки ликвидация религии и церкви не представлялась возможной.

Большевики с первых дней сконцентрировались на борьбе именно с Православной церковью. «Успехи» здесь уже имелись [4, с. 83]. Некоторая часть клира была или убита, или покинула страну. Активные воцерковленные светские лица, выступившие на защиту Церкви, являлись мишенью для репрессивного аппарата. К началу 1920-х гг. был произведен полный отъем собственности и сильно ограничены возможности получения средств к существованию [4, с. 91–92]. В то же время православных в стране было не менее 100 млн., главным образом, крестьян, приветствовавших экспроприацию собственности крупных землевладельцев, но никак не желающих терять традиционный уклад, где религия и церковь были важнейшими составляющими. И пускай для него Иисус Христос, Богородица и Николай Чудотворец были «Троицей единосущной и нераздельной», но отношение к миру у него было православным [5, с. 168].

С начала 1920-х гг. храмы все активнее начали наполняться верующими. Из казенной, оберпрокурорской Церкви все более превращалась в народную. Население с большим доверием относилось к своим пастырям, чем до революции, и это не давало возможности продолжить осуществление активной репрессивной политики в отношении духовенства. Социально-экономический кризис и попытки выстраивания новой экономической политики не позволяли властям полностью игнорировать общественное мнение, а влияние на него РПЦ, особенно в деревне, было определяющим. В то же время заявившая о своей аполитичности Церковь и не одобрила действия властей. В пропагандистском плане официальные структуры сильно проигрывали церковным. Стояла задача принудить их не просто молчать, но заставить поддерживать мероприятия безбожных властей, тем самым компрометируя себя в глазах верующих.

Л.Д. Троцкий, поддержанный В.И. Лениным, в конце 1921 г. – начале 1922 г. инициировал резкую краткосрочную атаку на религиозные организации под предлогом борьбы с голодом в Поволжье. Целью кампании был не только дальнейший, максимально полный отъем имущества, но и устранение в церковной среде всех каким-то образом не согласных с действиями властей. РПЦ с 1921 г. активно помогала голодающим [6, с. 160]. Существующая организационная структура позволила сформировать эффективные механизмы сбора

средств, что не входило в планы антирелигиозных работников и наоборот укрепляло авторитет Церкви. Стало очевидным, что существующая система ограничений недостаточна для уничтожения религиозных организаций, а к Православной церкви необходимо применить меры по приведению в высшее церковное управление полностью лояльных лиц. В церковной практике это должен был стать раскол. Власти инспирировали и всячески поддерживали данный процесс. Главный лозунг нового движения должен был мотивировать на отказ от прошлого, его ломку и построение нового будущего в соответствии с коммунистической идеологией. В церковном варианте это получилось как обновление, а отсюда и название всего движения – обновленчество. Работа по данному направлению была сконцентрирована в руках Секретного отдела ОГПУ и Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б) [7, с. 52–60].

Еще в декабре 1920 г. Ф. Дзержинский писал В.И. Ленину, что официально или неофициально иметь кому-либо дело с попами не следует: «Выйдет только компрометация. На это может только В. Ч. К.» [8, с. 159]. Первоначально в ВЧК сделали ставку на разложение малого, низшего духовенства, недовольного существующей церковной иерархией. Основой религиозных организаций законодательно был определен приход. Взятие приходской жизни под контроль позволяло бы надеяться и на возможность управления всей структурой [8, с. 154]. Однако в условиях 1922 г. главное внимание стало уделяться руководству Церкви. Окружение патриарха, иерархов РПЦ, в том числе заявлявших о необходимости дальнейших преобразований согласно решений Поместного Собора 1917–1918 гг., к планируемой операции на первоначальном этапе привлечь не удалось. Чекистами была определена из числа духовенства группа лиц, считавшими для себя возможным подобное взаимодействие с официальными светскими структурами. Один из будущих организаторов обновленческого раскола А. Введенский еще в 1919 г. во время встреч с Г.Е. Зиновьевым предлагал свои услуги для достижения соглашения между государством и РПЦ [6, с. 67]. Как человек образованный, изучавший историю и прожив в стране Советов к 1922 г. более четырех лет, он, безусловно, отчетливо осознавал, на каких условиях возможно такое сотрудничество. Еще один из лидеров обновленческого движения В. Красницкий в том же 1919 г. активно популяризировал идею сотрудничества Православной церкви и атеистической власти на условиях последней [9, л. 1–14]. Л.Д. Троцкий на заседании Политбюро 30 марта 1922 г. предложил следующий план действий: «Спровоцировать церковный раскол, устранить патриарха Тихона и содействовать приходу в высшее церковное управление обновленческих деятелей, тогда можно будет не принимать Православную церковь в расчет, как фактор политической жизни в России» [8, с. 78].

18 апреля 1922 г. всем парторганизациям была направлена телеграмма за подписью Секретаря ЦК РКП И. В. Сталина, в которой он требовал, чтобы в штате парторганов обязательно имелся ответственный работник по вопросам Церкви и раскола внутри духовенства. Далее Сталин разъяснил: «Лояльные элементы духовенства должны получить уверенность, что Советская власть не позволит контрреволюционным иерархам расправиться над демократическими элементами духовенства» [10, с. 316]. Таким образом, правящая партия четко указывала на необходимость вмешательства во внутренние дела РПЦ. Патриарх Тихон был помещен под домашний арест как обвиняемый по преступлениям, за которые могла быть применена и высшая мера революционной защиты. 12 мая 1922 г. к патриарху была допущена инициативная обновленческая группа с целью получения резолюции о передаче ей высшего церковного управления. Первосвященник, с учетом неблагоприятных перспектив собственного участия в данном процессе, разрешил членам делегации упорядочить патриаршую канцелярию, а своим заместителем на время отсутствия назначить митрополита Вениамина Петроградского или Агафангела Ярославского [4, с. 96, 102]. Но обновленцы уже 16 мая 1922 г. объявили о переходе к ним управления РПЦ. Митрополиты в Москву не были допущены. Создавалось Высшее церковное управление. 29 мая 1922 г. состоялось учредительное собрание обновленческой «Живой церкви» [4, с. 96–97].

К июлю 1922 г. из 73 епархий только в 36 архиереи остались верными Тихону. Перед руководством БССР также стояла задача нейтрализации всей православной иерархии. В июне 1922 г. епископ Минский и Туровский Мелхиседек после соответствующих бесед в

ОГПУ, по мнению компетентных органов, признал обновленческое ВЦУ [11, с. 231]. На самом деле это был лишь расчетливый тактический ход. Здесь Минск допустил значительную ошибку. Партией ставилась задача передачи управления Православной церковью в БССР именно ВЦУ. В Беларуси же 10 июля 1922 г. было объявлено об автономии местной церкви, а значит и в некоторой степени независимой от Москвы. Политическое руководство республики нейтрально отнеслось к созданию Автономной церкви, восприняв это как очередной раскол. Любой разброд в религиозных организациях приветствовался [11, с. 231]. Мелхиседек фактически саботировал присоединение белорусских епархий к обновленчеству. Используя противоречия в руководстве ВЦУ и непрофессионализм местных чекистов, митрополит и его сторонники делали только вид отхода от патриаршей церкви. На протяжении двух лет задача не решалась. Велась линия по укреплению и систематизации деятельности сторонников патриарха Тихона в епархиях. Митрополит со временем предал анафеме обновленцев и покаялся за отпадание от Матери-церкви перед патриархом [12, с. 295]. Только после того, когда органами против Мелхиседека и нескольких его сторонников было заведено уголовное дело за сопротивление изъятию церковных ценностей, и в республике были предприняты жесткие превентивные меры, обновленчество смогло развернуть свою раскольничью работу. В 1925 г. митрополит окончательно был вывезен из БССР [13, л. 151–151 об.].

Уже ко второй половине 1920-х гг. становится понятным, что обновленчество не сможет разрушить Церковь [10, с. 323–324]. Кроме численных и качественных характеристик раскольников, важным аспектом выступило то, что весь их реформаторский запал иссяк, а формы воздействия на них оставались прежними [14, л. 25–27]. Нововведения неканонические сводились к более мягким требованиям к клиру и епископату, незначительными нововведениями в богослужбной практике и отношению к светской власти. Для дальнейшего ослабления управления церковью, разрушения единства в иерархии, ослаблению церковной дисциплины ОГПУ были реализованы активные оперативные мероприятия в центре и на местах. Но ситуация начала приобретать крайне нежелательный характер. РПЦ с середины 1920-х гг. возрождалась в наиболее неприемлемой для властей форме [15, с. 111]. Движение снизу было достаточно массовым и мотивированным. При приходах появлялись сестричества. Благотворительность и помощь нуждающимся, в том числе, и заключенным, становилась обыденной практикой. Приходская жизнь была наполнена совместными делами и переживаниями. «Престиж и авторитет заключенного и преследуемого духовенства были неизменно выше, чем при царях» [15, с. 111].

Наиболее перспективными причинами для расстройства единения иерархии Церкви были определение вопроса преемственности высшей церковной власти после смерти патриарха Тихона и очередное заявление от РПЦ о полном согласии с действиями властей. В первом случае возможности властей ограничивались только личностными качествами епископов и их реальным авторитетом среди иерархов и верующих. Главным аргументом в разговорах с епископатом, в первую очередь, с митрополитами Сергием, Кириллом, Агафангелом была угроза лишения РПЦ возможности организации высшего церковного управления. Арест всех епископов был технически возможным [4, с. 117]. Основные претенденты на должности местоблюстителя или заместителя местоблюстителя патриаршего престола по очереди арестовывались и подвергались различного рода давлению. Власти оказывали поддержку любым расколам в Церкви. Опубликованные протоколы заседания Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) открывают некоторые детали затеянной ОГПУ «оперативной игры» [7, с. 170, 174, 181], [10, с. 376]. Поддержка оказывалась как «правым» антисоветчикам, так и «левым», получившим инструкции от оперативных работников спецорганов. Первые, как, например, «даниловцы» могли и не догадываться, что их используют в борьбе с церковью. Отсутствие жесткого давления, возможность выполнять свои функции по организации традиционной деятельности – это уже была поддержка, в то же время, когда сторонников митрополитов Сергия, Петра, Агафангела и Кирилла и их самих постоянно арестовывали, допрашивали и блокировали через органы советской власти все их действия. Были группы, такие как «григорьевцы», которые не смогли устоять перед давлением ОГПУ и вынуждены были пойти на сотрудничество, которое привело их к фактическому расколу с Матерью-церковью [4, с. 114–115], [10, с. 345–348].

Гораздо сложнее было втянуть в игру кандидатов на должность патриаршего местоблюстителя. Однако, начальнику СООГПУ Е.А. Тучкову это удалось путем манипулирования информацией как напрямую от себя лично и своих сотрудников, так и через иных лиц, вызывавших доверие у владык. В итоге удалось добиться неразберихи среди клира и иерархов, противостояния и нарушения церковной дисциплины, но эффект от этого на местах был незначителен. Следует отметить, что епископат и клир сами стремились нормализовать отношения с государством. Какой-то конкретной контрреволюционной деятельности со стороны православных священнослужителей не велось. Декларации соловецких монахов и митрополита Сергия на имя председателя ВЦИК демонстрировали полную аполитичность Церкви, признание советской власти законной. ОГПУ подобные декларации были не нужны. Опыт показал, что даже «покаянные» декларации патриарха Тихона 1923 и 1925 гг. должного эффекта не возымели. Несмотря на настойчивое давление и контроль, епископат смог организовать тайные выборы патриарха путем письменного голосования [15, с. 147], [5, с. 200]. Посадки и угроза смерти для многих перестали быть залогом получения согласия на сотрудничество с органами. Наиболее «перспективным», с оперативной точки зрения, оказался митрополит Сергей. Владыка к 1927 г. уже сделал «несколько ходок». Как заместитель патриаршего местоблюстителя уже принял ряд решений, не воспринятых многими иерархами, но в то же время это была самая заметная фигура после находящихся в заключении и не находивших для себя возможности пойти на не носящие существенный урон Церкви уступки государственным органам митрополиты Петр, Кирилл и Агафангел [7, с. 181]. В то же время Сергей хорошо знал ситуацию на местах. Самым значительным и непреодолимым без ослабления антицерковной политики, по мнению владыки, было отсутствие нормальной системы управления Церковью, организации ее функционирования как Единого, Соборного механизма без утраты всех канонических устоев православия [8, с. 244–247, 268–270]. Уже начиная с 1925 г., после смерти патриарха Тихона, активизировались центробежные тенденции. Многие были недовольны и заявлениями почившего предстоятеля. В БССР, в том числе благодаря усилиям ОГПУ, активно продвигалась идея создания автокефальной Церкви. «Прокрасная» позиция митрополита Сергия, декларация от 29 июля 1927 г. стали хорошим пропагандистским фоном для объявления на съезде православного клира и верующих 10 августа 1927 г. о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. В Беларуси было три течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и мелхиседековцы [16, л. 11]. Сергей был абсолютно прав, оценив ситуацию в стране и пойдя на порочащие Церковь и его лично условия сделки с властями в обмен на возможность сохранения Православной церкви в СССР как единого православного организма [8, с. 261–267]. Верить властям, возможно, было наивно в условиях советской действительности 1920-х гг., но представить себе развитие ситуации 1929–1930 гг. в том же 1927 г. было невозможно. Члены ЦК партии не догадывались, до какой степени «обострится» классовая борьба в «год великого перелома» и столь трагично отразится на всех религиозных организациях без исключения. Если бы не постановление о религиозных организациях 1929 г., изменения в Конституции, коллективизация, то действия митрополита Сергия в 1927 г. фактически разрушили бы все усилия ОГПУ за предыдущие несколько лет. У православных, выбравших иной путь борьбы за веру и Церковь, был бы каноничный орган, к которому они могли присоединиться, несмотря и на декларацию Сергия, и на его неоднозначные интервью. Начало 1930-х гг. показало устойчивый, а то и возрастающий интерес граждан к религии, к участию в богослужениях [17, л. 1–2]. А перепись 1937 г. подтвердила, что верующие не просто еще существуют, но их большинство в безбожном государстве.

Таким образом, проведенное исследование показало, что на протяжении 1920-х гг. официальные структуры гласным и не гласным способами пытались установить внешнее управление РПЦ. Перед властями стояла задача нейтрализовать любые коллективные попытки выражения несогласия с реализуемой внутренней политикой. Православные иерархи в абсолютном большинстве не пошли на сотрудничество с госорганами в вопросах противоречащих званию духовного лица и наносящих урон Церкви. Обновленчество не достигло угрожающих сохранению православия масштабов. Расколы «слева» и «справа» к концу 1920-х гг.

не создали канонических и административных преград для воссоединения единомыслителей в лоне одной религиозной структуры в случае изменения общественно политической ситуации и ослабления антирелигиозных мероприятий. Критикуемые практически всеми сторонами действия митрополита Сергия позволили сохранить управляемость Церковью и не допустить ее перерождения в псевдорелигиозное образование.

Литература

1. Гидулянов, В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР : Сборник Узаконений и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / В. П. Гидулянов ; под ред. П. А. Красикова. – М. : Типография ГПУ, 1923. – 123 с.
2. Янушевич, И. И. Формирование антирелигиозной агитационно-пропагандистской системы в БССР (1919—1923 гг.) / И. И. Янушевич // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – Вып. 5, № 1. – С. 59–64.
3. Журнал «Слово Церкви». – 1915. – № 15 [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://wiki.starover.net/index.php?title=> – Дата доступа : 17.02.2021.
4. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Кузнецов, С. В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М. : Наука, 2001. – С. 168–182.
6. Цыпин, В. Русская Церковь (1917–1925) / В. Цыпин. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 189 с.
7. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. В. Лобанов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 381 с.
8. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд. Библиейско-Богословского инст. святого апостола Андрея, 1996. – 218 с.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А353. Оп. 2. Д. 678.
10. Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 / сост., авт. предисл., послесл. и коммент. М. Складорова. – СПб. : Борей, 1994. – 452 с.
11. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – М., Новосибирск, 1997. – Кн. 1. – С. 414–417.
12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. : сб. в 2 ч. / Сост. [и авт. примеч.] М. Е. Губонин. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. Ин-та, 1994. – 1063 с.
13. Российский государственный архив социально политической истории. – Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1000.
15. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 351 с.
16. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд. 2786. Оп. 1. Д. 339.
17. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.